

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH203607-620>

Исследовательская статья

Горюшина Евгения Михайловна<sup>1,2</sup>к.полит.н.,<sup>1</sup> научный сотрудникЦентр комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) НИУ ВШЭ, Москва, Россия  
[egoryushina@hse.ru](mailto:egoryushina@hse.ru)<sup>2</sup> ведущий научный сотрудник

Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия

[goryushina@iccaras.ru](mailto:goryushina@iccaras.ru)

Осмаев Аббаз Догиевич

д.и.н., главный научный сотрудник

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Грозный, Россия

[osmaev@mail.ru](mailto:osmaev@mail.ru)

## «ОТ НЕЗАВИСИМОСТИ К ВОЙНЕ»: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

*Аннотация.* В статье анализируется зарубежная (англоязычная) историография вооруженного конфликта в Чеченской Республике. С этой целью был использован принцип периодизации, который послужил основой для анализа источников, а также позволил разделить исследование на два этапа: к независимости на волне прошлого (1991–1996), от независимости к войне (1999–2009). Осуществлен контент-анализ исторических произведений. Исследование будет способствовать прояснению логики конструирования зарубежной историографии о самом известном постсоветском вооруженном конфликте, информация о котором воссоздается, искажается и используется многими авторами для формирования негативного образа Российской Федерации в прошлом и настоящем. Выявлено, что зарубежные исследователи игнорировали взаимосвязь вооруженного насилия и коллективной памяти, акцентируя внимание на взаимоотношениях республики и федерального центра после распада СССР. Практически вся иностранная историография о вооруженном конфликте в регионе отличается негативной коннотацией, политизирована и содержит оценку взаимоотношений по оси «центр-периферия». Установлено, что иностранные авторы, описавшие 1994–1996 гг., сместили исследовательский фокус на сепаратизм Чечни и ее борьбу за независимость от России с учетом исторического прошлого (начиная с Кавказской войны). Определено, что решающую роль в мобилизации коллективной памяти перед началом вооруженных действий в 1994 г. сыграла массовая депортация 1944 г., к которой обращались практически все иностранные авторы. Изменившаяся международная повестка борьбы с терроризмом после 11 сентября 2001 г. нивелировала в общественном и академическом дискурсе «ичкерийское» прошлое Чечни периода 1991–1999 гг. Зарубежные работы, охватывающие анализ вооруженных действий периода 1999–2009 гг., стали представлять интерес для развития военной отрасли (в частности, в США). Это обусловлено тем, что терроризм вытеснил не только традиционную войну, но даже партизанскую тактику, до этого широко применявшуюся в Чечне. Зарубежные авторы выявили, что с 1999 г. в общественном дискурсе происходит демонизация образа чеченца и превращение его в «моджахеда».

*Ключевые слова:* коллективная память; историография; Чеченская Республика; вооруженный конфликт; война

**Для цитирования:** Горюшина Е.М., Осмаев А.Д. «От независимости к войне»: анализ зарубежной историографии вооруженного конфликта в Чеченской Республике // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 3. С. 607-620. doi.org/10.32653/CH203607-620

© Горюшина Е.М., Осмаев А.Д., 2024

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH203607-620>

Research paper

Evgeniya M. Goryushina,<sup>1,2</sup>  
Cand. Polit. Sci.,<sup>1</sup> Researcher  
Center for Comprehensive European and International Studies  
NRU HSE, Moscow, Russia  
[egoryushina@hse.ru](mailto:egoryushina@hse.ru)  
<sup>2</sup>Leading Researcher  
Institute of China and Contemporary Asia, RAS, Moscow, Russia  
[goryushina@iccaras.ru](mailto:goryushina@iccaras.ru)

Abbaz D. Osmaev,  
Dr. Sci., Senior Researcher  
Ibragimov Comprehensive Research Institute, RAS, Grozny, Russia  
[osmaev@mail.ru](mailto:osmaev@mail.ru)

## **“FROM INDEPENDENCE TO WAR”: A CRITICAL ANALYSIS OF FOREIGN HISTORIOGRAPHY ON THE ARMED CONFLICT IN CHECHNYA**

**Abstract.** This article analyzes the English-language historiography of the armed conflict in the Chechen Republic. The study employs a periodization approach, which serves as the basis for source analysis and divides the research into two stages: the path towards independence in the wake of the past (1991-1996) and from independence to war (1999-2009). A content analysis of historical works has been conducted. This research aims to elucidate the construction of foreign historiography concerning the most prominent post-Soviet armed conflict, the information about which is often recreated, distorted, and utilized by numerous authors to portray a negative image of the Russian Federation, both past and present. The study reveals that foreign researchers have largely overlooked the relationship between armed violence and collective memory, instead focusing on the dynamics between the republic and the federal center following the collapse of the USSR. The majority of foreign historiography regarding the armed conflict in the region exhibits a negative connotation, is politicized, and contains an assessment of the relationship along the “center-periphery” axis. The study finds that foreign authors describing the period of 1994-1996 shifted their research focus to separatism in Chechnya and its struggle for independence from Russia, taking into account the historical context (beginning with the Caucasian War). It is determined that the mass deportation of 1944 played a decisive role in mobilizing collective memory prior to the outbreak of hostilities in 1994, a topic addressed by virtually all foreign authors. The changed international counter-terrorism agenda following September 11, 2001, resulted in the “Ichkerian” past of Chechnya (1991-1999) being marginalized in public and academic discourse. Foreign works analyzing the armed actions of 1999-2009 began to attract interest for the development of military industry (particularly in the United States). This shift is attributed to terrorism replacing not only traditional warfare but also guerrilla tactics, which were previously widely employed in Chechnya. Foreign authors have observed that since 1999, the image of Chechens has been demonized in public discourse and transformed into that of “mujahideen.”

**Keywords:** collective memory; historiography; Chechen Republic; armed conflict; war

**For citation:** E.M. Goryushina, A.D. Osmaev. “From independence to war”: a critical analysis of foreign historiography on the armed conflict in Chechnya. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. No. 3. P. 607-620. [doi.org/10.32653/CH203607-620](https://doi.org/10.32653/CH203607-620)

В широком понимании коллективная память уже давно стала важным компонентом этнонациональной принадлежности. При этом чувство исторической преемственности и общего наследия обеспечивает сплоченность и идентичность людей внутри социальной группы. Так полагает специалист в области изучения коллективной памяти из Ольстерского университета (Северная Ирландия) К. Макгрэттен. Он подчеркивает, что память не только выполняет функцию увязывания прошлого с настоящим, вписывания в него образа «другого», но и выступает предметом исследований в ряде дисциплин. «Часто эта работа сосредотачивается (скрыто или явно) на конфликтных и вызывающих разногласия процессах, которые в буквальном смысле запускают мобилизацию памяти», – пишет Макгрэттен [1, с. 488].

В случае с внутренним вооруженным конфликтом в Чеченской Республике справедливо говорить об «этническом возрождении», при котором идентичность и коллективная память не утратили мобилизационного потенциала, а вкупе с территориальным признаком стали мощным двигателем в борьбе за независимость. Территориальность, привязанность к определенному географическому региону оказывается едва ли не центральным фактором человеческой деятельности и отношений, поскольку территории, как для групп, так и для отдельных лиц, выступают ресурсом обеспечения базовых потребностей (в первую очередь выживание и воспроизводство), и представляют собой важную основу власти.

«Этническое возрождение», о котором открыто заговорили в зарубежной политической науке в конце 1970-х [2] – начале 1980-х гг. [3; 4; 5], коснулось и Северного Кавказа [6]. Особенно это проявилось в Чечено-Ингушетии [7], где с началом перестройки активизировались различные националистические движения [8], но, по мнению авторов статьи, корректнее было бы характеризовать эти движения как национальные. Среди них были также националистически настроенные персоналии и группы.

Иностранные авторы отмечают характерные черты Северного Кавказа, где «обширная северокавказская идентичность была реализована в различных союзах, начиная с войн за независимость Кавказа в XIX в. и заканчивая созданием Северокавказской горной республики в 1918 г.» [9, с. 26]. Причем идентичность рассматривается как нечто общее для всех административных единиц региона, среди которых исключением стала Чечня.

В предыдущих исследованиях авторы этой статьи уже отмечали особенность формирования корпуса историографических источников о внутреннем вооруженном конфликте в Чечне. Он базируется на обширном массиве публицистических материалов по воспоминаниям и политической оценке вооруженных действий в регионе, но одновременно малом количестве академических работ по памяти и ее специфике [10, с.283].

Как правило, зарубежные исследователи игнорировали взаимосвязь вооруженного насилия и коллективной памяти, акцентируя внимание на взаимоотношениях республики и федерального центра после распада СССР. Помимо этого, практически вся иностранная историография о вооруженном конфликте в регионе отличается негативной коннотацией, политизирована и содержит оценку взаимоотношений по оси «центр-периферия». Поэтому анализ зарубежной историографии в данном контексте – зачастую игнорируемая российскими учеными исследовательская задача вследствие высоких рисков политизации текста и нежелания рассмотреть «чеченские войны» сквозь призму зарубежной оптики.

Как предполагают авторы статьи, подобный анализ крайне необходим для современной российской науки, поскольку «прошлое не сохраняется, а реконструируется на основе настоящего» [11, с. 40]. Анализ будет способствовать прояснению логики конструирования зарубежной историографии о самом известном постсоветском вооруженном конфликте, информация о котором воссоздается, искажается и используется многими авторами для формирования негативного образа Российской Федерации в прошлом и настоящем.

Во избежание реферативного стиля изложения авторы данной статьи прибегают к выборочным работам наиболее известных и цитируемых зарубежных авторов, которые не дублируют друг друга, а развивают ключевые представления о вооруженном конфликте в Чечне. С этой целью в статью учтены взгляды и концепции авторов анализируемых исторических произведений, оказавших влияние на последующую интерпретацию событий конфликта в Чечне. При этом ключевым принципом выборки историографических источников послужил принцип периодизации, который сформировал структуру статьи:

- к независимости на волне прошлого (1991–1996)
- от независимости к войне (1999–2009)

Принцип периодизации как методология историографического исследования также позволил разделить статью на два крупных раздела.

### *К независимости на волне прошлого (1991–1996)*

Специфика коллективной памяти современной Чеченской Республики заключается в том, что ее история основана на частично законсервированной и травматической памяти [12] о стигматизации 1944 г. и двух этапах внутреннего вооруженного конфликта 1994–1996 гг. и 1999–2009 гг. В условиях роста национального самосознания, последовавшего за распадом СССР, регион стал в буквальном смысле «откалываться». Этому способствовала мобилизация «длинной» коллективной памяти чеченцев, состоящей из неоднозначных интерпретаций исторических событий и периодов прошлого: движение под руководством шейха Мансура, Кавказская война, революция 1917 г. и Гражданская война, Горская АССР, советская Чечня (Чечено-Ингушская АССР), Великая Отечественная война, депортация 1944 г. В таком перечне исторических событий и социально-политических кризисов было бы неверным упускать из виду мифы, активно используемые сепаратистами в период 1991–1994 гг.

Как пишет А. Кампана, профессор политологии из Лавальского университета в Квебеке (Канада), Дж. Дудаев после своего избрания в качестве президента в 1991 г. «не только столкнулся с ожесточенным внутренним противодействием, но и повторил российскую мобилизацию, что привело к тому, что чеченское правительство заиклось на милитаризации» [13].

С точки зрения Кампаны, подобный шаг Дудаева отчасти объясняется исторической ценностью карательного правосудия для чеченцев и использования насилия как оправданного средства восстановления порядка или освобождения от угнетателей. Вероятно, подобные убеждения были сформированы в результате «длинной» коллективной памяти о страданиях и угнетении, которые тем самым наделяют их высокой социальной эффективностью, о чем свидетельствует стремительная мобилизация чеченцев для борьбы с российской (в отдельных зарубежных работах – «русской») армией в 1994 г. Автор уделяет особое внимание роли и функции мифов в подъеме чеченской сепаратистской идеологии.

Однако Кампана значительно упрощает и низводит восприятие постсоветской России до «Дамоклова меча над головами всего чеченского народа» [13, с. 54]. Причем в качестве угнетателей неизбежно воспринималась сначала имперская (во время Кавказской войны), советская (в период вынужденных переселений), а впоследствии и современная Россия. Исследователь заключает: Дудаеву удалось сохранить легитимность своей власти благодаря тому, что постоянно «называл русских угрозой для чеченского народа. Эта стратегия постоянно возрождает трагическую коллективную память и делает русских постоянной опасностью для общества» [13, с. 51]. В данном случае слово «русские» выступает в роли исторической константы, собирательного образа врага, который фигурирует в различные периоды истории и остается неизменным.

Концепция поиска врага и ее поддержание характерно для многих работ, связанных с изучением того или иного вооруженного конфликта. В случае с коллективной памятью чеченцев и ингушей долго врага искать не пришлось, поскольку «давняя память о конфликте с русскими, безусловно, сыграла важную роль в решении многих чеченских боевиков взять в руки оружие и сражаться против исторического «другого» своего народа в 1994–1996 гг.» [14, с. 104].

Профессор исламской истории Массачусетского университета в Дартмуте Б.Г. Уильямс (работавший на ЦРУ), называет отношения между чеченцами и русскими в буквальном смысле кровавыми на протяжении всей истории. Он подчеркивает решающую роль трагической массовой депортации с родины в Центральную Азию, которая оказала «длительное воздействие на коллективную психику чеченцев» [14, с. 104]. Автор более не развивает тезис о коллективной психике, но использует слово «этноцид, которому, по его мнению, подвергся этот народ от рук советского правительства в 1940-х и 1950-х гг.» [14, с. 103]. Именно он, по мнению автора, послужил основным катализатором милитаризации чеченского общества после распада СССР.

Этот же тезис разделяют К. Галл и Т. де Ваал в известной книге (фактически журналистском расследовании) «Чечня – катастрофа на Кавказе» [15]. Авторы в 1998 г. писали, что «выселение в Центральную Азию оставило глубокие раны и сформировало новое поколение чеченцев, чьи бабушки и дедушки

умерли пятьдесят лет назад, гораздо более подготовленными к тому, чтобы идти до конца в конфликте с Россией» [15, с. 57]. Все повествование сводится к жестокой борьбе чеченцев за независимость от России, где отягчающими аргументами не в пользу Москвы выступили описанные авторами «разбомбленный современный европейский город, пока его жители прячутся в бункерах; массовые захоронения; матери, прочесывающие холмы в поисках своих пропавших сыновей» [15, с. 57].

В одной из рецензий на книгу Гаал и де Ваал говорится о том, что в ней превосходно представлена историческая справка о регионе и народе Чечни, его долгой истории обретения независимости и многочисленных столкновениях с российскими властями в разные исторические периоды. Именно такой взгляд на события в регионе периода 1991–1996 гг. был востребован в западном обществе. Причем если представители академической среды предпринимали попытки оспорить глубокие исторические корни этого вооруженного конфликта, то журналисты непосредственно с места боевых действий не оставляли ученым ни одного шанса.

Возвращаясь к Б.Г. Уильямсу, отметим, что он не углубляется в причины «этноцида», но прибегает к слову «геноцид», который ставит в кавычках применительно к чеченцам. Автор пишет, что в ходе передачи из поколения в поколение историй о «выбранной травме» (здесь Уильямс делает отсылку к известной работе В. Волкана о трансгенерационной передаче «выбранных травм») [16] происходит определенная мифологизация конкретного события, поскольку оно превращается в часть коллективной памяти.

Автор объясняет подобный механизм обрастания мифами с помощью отсылки к тексту одного из основоположников и идеологов Чеченской Республики Ичкерия (признана террористической организацией и запрещена в России) – З. Яндарбиева. Будучи не только исполняющим обязанности президента самопровозглашенной ЧРИ в 1996–1997 гг., но и драматургом, поэтом и автором книги «Чечения – битва за свободу» [17], Яндарбиев говорит о «геноциде», гибели «сотен тысяч» чеченцев во время насильственной депортации 1944 г. По мнению Уильямса, подобные ретранслируемые истории о массовой резне (термин, зачастую используемый в западных источниках) в итоге стали неотъемлемой частью национальной мифологии.

Профессор сравнительной политологии Лондонской школы экономики Дж. Хьюз указывает на увеличение «интенсивности памяти» вследствие недавно укоренившегося «горького исторического события, в частности, геноцидной депортации 1944 года» [18, с. 20]. Можно предположить, что Хьюз имеет в виду тот же мобилизационный потенциал памяти, о которой речь шла выше. Помимо этого, он делает несколько выводов, согласно которым наследием «колониальной вражды» (между Россией и Кавказом) выступила сталинская «геноцидная депортация чеченцев» [18, с. 20]. Насильственное выселение чеченцев (об ингушах Хьюз не пишет) привело, по мнению ученого, к 100 тысячам смертей и укоренению так называемой исторической памяти о геноциде [18, с. 20].

Впрочем, Хьюз справедливо отмечает, что именно депортация 1944 г. оказалась вплетена в память большинства чеченцев и стала определяющим историческим событием в укреплении чеченской идентичности, выстроенной вокруг сопротивления России и федеральному центру. Автор избегает слова «травматический» и «травма» применительно к опыту насильственного выселения.

Одновременно с этим Хьюз указывает на политическую институционализацию чеченской идентичности. Она оформилась благодаря возвращению депортированных и восстановлению Чечено-Ингушской АССР в разгар политики «десталинизации» в 1957 г.

В контексте мобилизации памяти и ее дальнейшего использования для создания постсоветского образа «воюющего чеченца» Хьюз критически отмечает, что «большинство рассказов о чеченском сопротивлении России после 1991 года преувеличены и мифологизированы» [18, с. 21]. Он ставит под сомнение «горские» (автор выделяет кавычками именно это слово) и клановые (тайповые) узы чеченского общества в условиях вооруженных действий.

При этом Хьюз уделяет незначительное внимание роли депортации в мобилизации коллективной памяти чеченцев в начале 1990-х гг., делая отсылку к другому ученому – Дж. Б. Данлопу. Опубликованная им в 1998 г. книга «Россия противостоит Чечне» представляет собой первый из двух томов о вооруженном конфликте.

В первой книге Данлопа читатель только знакомится с началом вооруженных действий 1994 г. в Чечне. Автор выстраивает таким образом свой исторический обзор самых ранних столкновений между русскими и чеченцами, что, описав их, сразу переходит к взаимоотношениям двух народов

в советский период – наиболее противоречивый. Далее он переходит к «чеченской революции 1991 года», посвящает отдельную главу приходу Дж. Дудаева к власти, последовательно анализируя факторы, оказавшие влияние на формирование его как лидера движения за независимость Чечни. Ссылаясь на чеченского историка Т. Музаева, Данлоп описывает главные цели созданного в ноябре 1990 г. исполкома Чеченского национального съезда, который возглавил Дудаев: «реализация политического суверенитета, достижение возрождения чеченского языка и восстановление культурной и исторической памяти чеченского народа» [19, с. 20].

Автор не просто описывает хронологию событий и противостояния России и Чечни, но рассуждает о строительстве этнократического государства в период правления Дудаева, часто подкрепляя собственные тезисы его высказываниями-цитатами из федеральных газет (он прибегает к многочисленным публицистическим источникам на русском языке).

В последней главе анализируется переговорный процесс между Россией и Чечней в период с 1992 по 1994 г., делается попытка выявить ключевые причины провала в поисках мирного урегулирования конфликта, а в заключении Данлоп пытается извлечь уроки из опыта прошлого, что представляется важным для настоящего исследования. Впрочем, Данлоп рассматривает федеральный центр сквозь призму негативизма, подчеркивая «ошибки русских», «дисбаланс сил» между Москвой и Грозным, которые в конечном счете привели к «завоеванию этого региона Россией» [20, с. 27].

В своих работах Данлоп делает постоянные отсылки к известному историку и крупнейшему израильскому специалисту по истории ислама на Северном Кавказе – М. Гаммеру. В 2000 г. Гаммер подверг критическому анализу сборник эссе под редакцией Б. Фоукса о российско-чеченских отношениях «Россия и Чечня: перманентный кризис», опубликованный в 1998 г. [21].

Израильский автор так начинает свой анализ сборника эссе: «В 1990-х годах, после распада Советского Союза, в Центральной Азии и на Кавказе появились «новые» (то есть новые для западных правительств, ученых и общественности) мусульманские государства. Более того, этот южный пояс бывшего СССР – как внутри Российской Федерации, так и за ее пределами – вскоре превратился в полосу конфликтов и нестабильности. И снова внезапная потребность в экспертах и исследованиях породила огромное количество публикаций, подавляющее большинство из которых стали пустой тратой зеленых лесов Земли, времени и денег читателя» [22, с. 189].

Гаммер убежден в том, что «российско-чеченская война 1994–1996 гг.» не стала исключением. Из множества книг, опубликованных к 2000 г., следует обратить внимание лишь на очень немногие из них. Рецензируемая Гаммером книга «не относится к этому крошечному меньшинству» [22, с. 189]. Он подвергает критике эссе зарубежных авторов, демонстрируя их ошибки в исторических фактах, названиях чеченских населенных пунктов, датах произошедших событий. Подобная критика Гаммером своих коллег подчеркивает дефицит комплексных исследований по обозначенной теме.

Однако автор задается чрезвычайно важным вопросом: как использовать источники, которые заведомо не соответствуют действительности? Один из авторов сборника эссе, П. Сайрен, в работе «Битва за Грозный: российское вторжение в Чечню, декабрь 1994 – декабрь 1996 гг.» подчеркивает эту дилемму: «Пропагандистские усилия с обеих сторон в этом конфликте <...> сделали объективный и точный анализ событий <...> чрезвычайно трудным» [21, с. 97].

При этом Сайрен использует преимущественно российские источники наряду с материалами западных СМИ, поскольку иностранные корреспонденты, по крайней мере до начала войны, вещали преимущественно из Москвы. Следовательно – по мнению Гаммера – отражали российскую точку зрения и официальную информацию. Чеченские же источники, опубликованные в Москве или на Украине, отсутствуют в эссе Сайрен. В этом случае Гаммер в своей рецензии настаивает на использовании источников от 1996 г. за авторством З. Яндарбиева (опубликован во Львове), Л. Усманова и У. Лаудаева. Однако Гаммер сам совершает ошибку в фамилии чеченских авторов, поскольку Умалат Лаудаев был первым чеченцем, осветившим в исследовании на русском языке проблемы истории и этнографии чеченского народа еще в 1872 г. В комментариях Гаммер приводит название работы, которой, по его мнению, не достаёт в арсенале многих зарубежных исследователей вооруженного конфликта в Чечне, – «Чеченцы: история и современность» под редакцией Айдаева Ю. [23].

Также Гаммер справедливо отмечает, что использование другими иностранными исследователями русскоязычных источников периода «первой чеченской» привело к неоднозначной и даже спорной интерпретации прошлого. Он находит у Сайрен «сильно преувеличенную численность чеченских

боевиков и утверждения русских о том, что на стороне Чечни сражалось большое количество иностранных «наемников»» [22, с. 190]. Это может быть связано с тем, что зарубежные авторы не подвергали критике данные, опубликованные в официальных российских источниках, которые могли быть использованы в целях пропаганды или дезинформации.

Также он оспаривает выводы Сайрен о том, население, проживавшее в республике на момент начала боевых действий в 1994 г., было преимущественно сельским и аполитичным. Гаммер рекомендует многим исследователям обратиться к последней Всесоюзной переписи населения 1989 года во избежание подобных выводов. В целом, автор ставит под сомнение выводы многих иностранных исследователей относительно описания первого этапа вооруженного конфликта в Чечне 1994–1996 гг. Это указывает на неоднозначность интерпретации этого периода в зарубежной историографии.

### *От независимости к войне (1999–2009)*

В конце сентября 1999 г. президент РФ издал указ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации»<sup>1</sup>, положивший начало контртеррористической операции (КТО), которую иначе именуют второй чеченской войной, продлившейся до 16 апреля 2009 г. Этому формально предшествовали нападение боевиков Шамиля Басаева и Хаттаба на Дагестан и серия терактов в Буйнакске, Волгодонске и Москве в сентябре 1999 г.

Теракт в США 11 сентября 2001 г. вывел борьбу с терроризмом на международный уровень. Трагедия 11 сентября фактически сняла «международные претензии к России по поводу Чечни» [24, с. 47] и автоматически встретила Россию на какое-то время в международную антитеррористическую коалицию под временным лидерством США. Профессор Дж. Рассел подтверждает этот тезис: чеченский конфликт не только стал самым кровопролитным со времен Второй мировой войны, а после событий 11 сентября 2001 г. еще и оказался линией фронта России в международной «войне с терроризмом» [25].

Можно утверждать, что именно новая международная повестка борьбы с терроризмом нивелировала в общественном дискурсе «ичкерийское» прошлое Чечни периода 1991–1999 гг. Перед зарубежными учеными встала проблема получения информации из зоны конфликта, поскольку Москва стремилась не допускать ошибки прошлого – позволять иностранным журналистам вмешиваться в ход событий на Северном Кавказе. Россия выражала обеспокоенность вследствие «неоднократных нарушений журналистской этики и искажения информации со стороны ряда журналистов»<sup>2</sup>, напоминая о случаях подтасовки фактов и фальсификации. В качестве примера можно привести разоблачение видеорепортажа из Чечни корреспондентом одного из частных телеканалов ФРГ Ф. Хёфлингом, который был освобожден руководством телеканала от работы<sup>3</sup>.

В марте 2000 г. федеральный центр признал «определенную долю ответственности за ненормальную ситуацию, сложившуюся в Чеченской Республике в 1996–1999 гг., которую «несут и федеральные органы власти, не принявшие своевременно необходимых мер по возвращению Чеченской Республики в правовое поле Российской Федерации»<sup>4</sup>. При этом «за период проведения антитеррористической операции Северный Кавказ посетило более 550 иностранных журналистов, некоторые из которых – неоднократно. Многие иностранные журналисты постоянно находятся в Моздоке и участвуют в поездках по региону вместе с направляемыми туда из Москвы группами»<sup>5</sup>.

1. Указ Президента Российской Федерации от 23.09.1999 г. № 1255с «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14427> (Дата обращения 20.06.2024 г.)

2. Меморандум делегации Федерального Собрания Российской Федерации в Парламентской ассамблее Совета Европы от 28 марта 2000 года относительно реализации Рекомендации ПАСЕ 1444 (2000) «О ситуации в Чеченской Республике» // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ, 04.04.2000 г. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1684746&lang=ru>

3. Корреспондент немецкой телекомпании Франк Хефлинг уволен «за ложь и обман» // Lenta.ru, 01.01.2000. URL: <https://lenta.ru/news/2000/02/29/film/?ysclid=lxstrjjalx275106600>

4. Меморандум делегации Федерального Собрания Российской Федерации в Парламентской ассамблее Совета Европы от 28 марта 2000 года относительно реализации Рекомендации ПАСЕ 1444 (2000) «О ситуации в Чеченской Республике» // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ, 04.04.2000 г. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1684746&lang=ru>

5. Там же.

Однако после 1999 г. практически вся зарубежная историография сводится к формированию образа России-агрессора. В большинстве исследований этого периода отсутствует историческая подоплека, Дудаев как символ независимости начала 1990-х гг. потерял значимость и был предан забвению (что полностью соответствует формированию «новой» памяти о конфликте), а геноцид чеченского народа не оспаривается иностранными авторами. В зарубежной историографии открыто стали говорить о трансформации образа чеченца-жертвы в чеченца-боевика и угрозы не только для безопасности Российской Федерации, но других государств. Более того, многие авторы, опубликовавшие свои работы о вооруженных действиях 1999–2009 гг., стали полноценными акторами новой политики памяти, в которой действия официальной Москвы привели к созданию жесткой вертикали власти Кадырова и превратили насилие в рутинный элемент повседневности в XXI в. [26; 27; 28].

Зарубежная историография этого периода избегает исторического экскурса, тяготеет к рассмотрению причин насилия и терроризма, все чаще используя исследовательскую оптику в фокусе разработок в области безопасности.

Доктор философских наук Дж. Рассел опубликовал серию работ, где задается вопросом: Россия вела войну с терроризмом или войну террора, намекая на цели и методы, к которым прибегал федеральный центр с 1999 г. Именно в начале XXI в. зарубежные исследователи стали противопоставлять видение событий в Чечне этого периода на Западе официальной позиции Москвы. «Хотя Запад <...> разделял цели своего стратегического партнера, он явно был смущен грубой пропагандой российских властей, направленной на создание негативных стереотипов о чеченцах, а также применением чрезмерной силы и широкомасштабными нарушениями прав человека, приписываемыми федеральным силам» [29, с. 73].

В опубликованной в 2004 г. работе «Моджахеды, мафия, безумцы: восприятие чеченцев русскими во время войн в Чечне 1994–96 и 1999–2001 годов» Рассел утверждал, что взрывы в Москве осенью 1999 г. стали отправной точкой в демонизации чеченцев в качестве исламских фундаменталистов. Он отмечает, что, хотя эта тенденция прослеживалась в обеих «чеченских войнах», ключевым отличием на этот раз стало «изменение отношения российской общественности от враждебности во время первой войны к безоговорочной поддержке во время второй» [29, с. 73]. Очевидно, речь идет о том, что российская общественность в 2000 г. приняла подобную интерпретацию «чеченца-моджахеда» и начала поддерживать силовые действия государства на Северном Кавказе.

Один из рецензентов Рассела пишет о его работе: «Кто-то может возразить, что его очевидное сочувствие чеченцам в их страданиях должно значительно снизить научную ценность его работы» [30]. В своих работах Рассел всячески избегает журналистского освещения «российско-чеченских войн» и террористических актов от первого лица, а также отказывается от исторического экскурса, демонстрирующего «ожесточенность взаимоотношений России и Чечни на протяжении веков» [30], к которому склонны практически все иностранные историографические источники.

Рассел – один из немногих зарубежных авторов, кто анализирует причины вооруженных действий в Чечне.

Опираясь на опыт других конфликтов, Рассел выделяет целую главу «предпринимателям насилия», как русским, так и чеченцам, которые извлекают выгоду из затянувшегося конфликта. Но главным стало то, что Рассел подчеркивает последствия этих «двух жестоких войн, добавившиеся к народной памяти о веках преследований и злоупотреблений; столкновение западной и исламской идеологий; преобладание философий, основанных на принципе «цель оправдывает средства»...» [30].

Директор программы по экстремизму в Университете Джорджа Вашингтона Л. Видино в статье «Арабские иностранные боевики и сакрализация чеченского конфликта» рассуждает о том, что неназванный чеченский лидер делился репортеру «The Washington Post» собственными опасениями по поводу прибытия в Чечню «сотен иностранных моджахедов: «Они нам не нужны, они доставят нам много хлопот, и мы не сможем остановить их» [31]. Это демонстрирует важное значение СМИ для иностранного исследователя.

Профессор сосредотачивает внимание на главном отличии «первой чеченской» от «второй». С его точки зрения, «российские войска вторглись в Чечню, развязав вторую чеченскую войну, характеризующуюся, с одной стороны, неизбирательными российскими атаками, а с другой – террористической тактикой, применяемой иностранными джихадистами» [32]. Это подтверждает тезис об образе России-агрессоре.

При этом автор справедливо отмечает, что до 2000 г. в Чечне не было ни одного теракта, совершенного смертником [33]. После 2000 г., напротив, чеченские террористы-смертники неоднократно совершали нападения. Таким образом, в зарубежной историографии национальность террористов-смертников в России этого периода была прочно зафиксирована [34; 35; 36]. Появился и пол у самых ярких терактов – женский. «Черные вдовы», как называли чеченских террористок-смертниц, 5 июля 2003 г. совершили нападение на рок-фестивале «Крылья»; 31 августа 2004 г. смертница совершила теракт у вестибюля станции «Рижская» в Москве; крупные авиационные катастрофы в результате взрывов смертниц на борту авиалайнеров Ту-154 и Ту-134, произошедших 24 августа 2004 г. На этих деталях останавливаются почти все зарубежные исследователи вооруженного конфликта в Чечне.

Поэтому большинство иностранных исследователей пришли к выводу, что во «вторую чеченскую» терроризм полностью вытеснил не только традиционную войну, но и партизанскую тактику, до этого широко применявшуюся в Чечне.

Американский политолог, государственный деятель П.Дж. Мерфи изложил список причин, которые могут объяснить, почему терроризм вытеснил все же традиционные методы войны в Чечне. Он считает, что чеченцы приняли тактику терроризма, поскольку другие возможности ограничены: «...это недорого и привлекает более крупные иностранные инвестиции; Власть Басаева выросла; а чеченцы стали нетерпеливыми» [37, с. 197]. Мерфи добавляет к этим веским причинам главное обстоятельство, характеризовавшее Чечню первой декады XXI в. – радикальное изменение взглядов террористов благодаря привнесению в регион извне ваххабизму.

Образ врага, а также природа самого конфликта отныне рассматривались многими боевиками сквозь призму ваххабизма, превратив его в настоящую религиозную войну между добром и злом, Аллахом и неверными [31]. «Вторая чеченская война» получила столь пристальное внимание в экспертной и академической среде, поскольку зарубежные авторы тиражировали тезис о сакрализации этой самой религиозной войны, приписывая насилию не только чеченский след, но и радикальный ислам. Вполне логично, что «когда война принимает подобные очертания и становится сакральной, исчезают все ограничения на применение насилия» [38]. В большинстве случаев американские исследователи концентрировали внимание не столько на чеченских боевиках, сколько на радикальном исламе, представлявшем в тот период мировую угрозу. И в первую очередь – для США.

Впоследствии профессор исламской истории Массачусетского университета Б.Г. Уильямс в 2015 г. опубликовал книгу «Ад в Чечне: российско-чеченские войны, миф об Аль-Каиде и взрывы на Бостонском марафоне», где вновь обратился к травматическому прошлому американцев – теракту 11 сентября 2001 г. Но в его описании эффект этой трагедии минимизируется на фоне потрясшего Америку террористического акта 15 апреля 2013 г. на Бостонском марафоне, «когда виновниками оказались жители США чеченского происхождения» [39].

Спустя десять лет после зарождения полноценного направления в зарубежной историографии по «второй чеченской войне», где, казалось бы, иностранные исследователи стараются изучить и обосновать борьбу с терроризмом с 1999 г., появляется иное направление исследований. Это обусловлено сменой международной политической повестки: радикальный ислам отошел на второй план, став фоновой угрозой, в то время как образ чеченца-ваххабита начал вновь приобретать черты жертвы политического режима современной России. Запад постепенно начал масштабировать врага до самой Российской Федерации.

Профессор Уильямс пишет свою книгу с явной симпатией к чеченскому народу. Аннотация к его книге усиливает это ощущение: «...трагическую историю разрушенной войной родины террористов, в том числе завоевания при царизме и две кровопролитные войны с постсоветской Россией, которые привели к возвышению Владимира Путина, – показывая, как конфликт там повлиял на рост самой смертоносной доморощенной террористической сети в Европе» [39]. Примечательно, что Бостон – родной город Уильямса, и книга «Ад в Чечне...» стала его попыткой раскрыть глубинные связи между этим богатым американским мегаполисом и отдаленной зоной конфликта на Северном Кавказе, где когда-то жили чеченцы Царнаевы. «Ад действительно становится понятен, когда Уильямс рассказывает о судьбе чеченцев, начиная с ранней советской эпохи», – так отзывается лондонская «Таймс» о книге Уильямса.

Вероятно, читатели «Таймс» приняли за константу повествование Уильямса, но в нашем исследовании важно обозначить: автор явно преувеличивает, излагая историю «террористической кампании

чеченцев в России», изо всех сил стараясь увязать чеченцев-террористов с «Аль-Каидой» и радикальным исламом. Это подтверждают другие американские авторы, в частности, Г.М. Хан – американский политолог и геополитический исследователь, специализирующийся на исламе и политике в России и Евразии.

В экспертном докладе для Института стратегических исследований Военного колледжа сухопутных войск (США) за три года до выхода книги «Ад в Чечне...» Хан пишет, что «если кто-то предпочитает сузить проблему до чеченцев, то Брайан Глинн Уильямс заявляет, что после продолжительного путешествия по Афганистану он не смог найти доказательств того, что там когда-либо воевал хотя бы один чеченский боец» [40; 41]. Однако Хан не согласен с этим, приводя в качестве контраргумента размытый тезис, согласно которому «...поступали многочисленные сообщения о том, что чеченцы сражались не только в Афганистане, но и в Ираке против американских войск» [42, с. 23]. Учитывая контекст и год публикации экспертного доклада (2012 г. – прошел год с момента окончания затяжного вооруженного конфликта в Ираке), иного вывода у американских специалистов быть не могло. Впрочем, вопрос присутствия «Аль-Каиды» в Чечне не оставляет зарубежных исследователей и сегодня. Итальянский автор К. Барби предполагает, что освещение участия «Аль-Каиды» в чеченских событиях было специально подчеркнуто российским правительством и средствами массовой информации с целью оправдания милитаризации региона [43].

Гентского университета. Она помещает «День памяти и скорби» как день поминовения в Чечне в центр своего исследования, в котором эта мемориальная дата контрастирует с официальным российским нарративом, сосредоточенном исключительно на победе в Великой Отечественной войне, а не на сталинских репрессиях. Клокер, будучи исследователем в области прав человека, приходит к выводу, что коллективные воспоминания, оспаривающие данный официальный исторический нарратив, «воспринимаются властями как препятствующие построению национальной российской идентичности» [45].

Только в начале второй декады XXI в. в зарубежной историографии начинает формироваться пока еще сравнительно малый корпус источников, посвященных изучению памяти о «чеченских войнах» и роли памяти о депортации 1944 г.

В частности, в 2014 г. появляется первое издание коллективной монографии «Чечня в войне и за ее пределами», где авторы изучают не только вооруженный конфликт в Чечне, но его последствия для локального общества. Однако главным в работе стало то, как вспоминают об этом конфликте годы спустя. Содержание и названия разделов монографии [46] указывает на определенную логику повествования иностранных исследователей: «Следы войны: между памятью и стиранием», «Грозный будто до войны: память и примирение в «виртуальных» и «реальных» постсоветских сообществах», «Вспомнить и забыть в Чечне сегодня: использование Великой Отечественной войны в создании нового исторического нарратива», «Жертвы и герои: память о российских военных потерях в чеченском конфликте», «Восстановление Чечни на стыке политики и экономики».

В этой коллективной работе приняли участие не только зарубежные, но и российские исследователи и эксперты, а также упомянутый ранее Дж. Рассел. Именно благодаря его разделу, как отмечает американский подполковник (в отставке) Р. Шефер, автор книги «Повстанческое движение в Чечне и на Северном Кавказе: от газавата к джихаду» [47], иностранный читатель получит представление о том, какие ценности могут быть приписаны «нелиберальной демократии» Кадырова в Чечне [48]. С учетом предвзятости Шефера и его обращению к хрестоматийным в США миростроительству и демократии, он все же справедливо подмечает, что, хотя в названии коллективной монографии слово «война» занимает центральное место, очень малая часть книги посвящена тщательному обсуждению войны как социально-политического феномена. «Использование точных терминов важно для любой научной дискуссии» [48, с. 182], – заключает он.

Сам того не зная, американский подполковник поднял важный вопрос в области изучения коллективной памяти о чеченских событиях постсоветского периода. Поскольку до сих пор ни в российской, ни в зарубежной историографии не существует общепринятого наименования вооруженных действий 1994–1996 гг. и 1999–2009 гг. в Чечне.

## Заключение

Анализ зарубежной историографии о вооруженном конфликте в Чечне позволяет сделать следующие выводы:

- события 1994–1996 г. вызвали «бум» среди иностранных авторов, отдававших предпочтение стилю журналистского расследования, но внесших незначительный вклад в понимание причин и последствий этих событий,

- использование зарубежными исследователями русскоязычных источников периода «первой чеченской» привело к неоднозначной и даже спорной интерпретации прошлого, поскольку тот период был преимущественно освещен в СМИ, а их данные, как правило, не подвергались критике,

- иностранные авторы, описавшие 1994–1996 гг., сместили исследовательский фокус на сепаратизм Чечни и ее борьбу за независимость от России с учетом исторического прошлого (начиная с Кавказской войны),

- решающую роль в мобилизации коллективной памяти перед началом вооруженных действий в 1994 г. сыграла массовая депортация 1944 г., к которой обращались практически все иностранные авторы,

- отдельные иностранные авторы использовали слово «этноцид», «геноцидная депортация» и другие подобные наименования трагических событий 1944 г. с целью объяснения последующей милитаризации чеченского общества с началом перестройки,

- новая международная повестка борьбы с терроризмом после 11 сентября 2001 г. нивелировала в общественном дискурсе «ичкерийское» прошлое Чечни периода 1991–1999 гг.,

- зарубежные работы, охватывающие анализ вооруженных действий периода 1999–2009 гг., стали представлять интерес для развития военной отрасли (в частности, в США),

- иностранные исследователи пришли к выводу, что во «вторую чеченскую» терроризм полностью вытеснил не только традиционную войну, но даже партизанскую тактику, до этого широко применявшуюся в Чечне,

- зарубежные авторы выявили, что с 1999 г. происходит демонизация чеченца и превращение его в «моджахеда»,

- многие исследователи настаивали на росте связей чеченских боевиков с «Аль-Каидой», в результате чего сформировалась дискуссия, где этот тезис неоднократно оспаривался,

- с 2010-х гг. в зарубежной историографии начинает формироваться пока еще сравнительно малый корпус источников, посвященных изучению памяти о «чеченских войнах» и роли памяти о депортации 1944 г.,

- в российской и в зарубежной историографии отсутствует единообразное наименование вооруженных действий 1994–1996 гг. и 1999–2009 гг. в Чечне.

Несмотря на то, что этот вооруженный конфликт перестал привлекать внимание журналистов и большинства зарубежных ученых, влияние боевых действий на формирование коллективной памяти чеченцев все еще не изучено. В равной степени не исследована коллективная память о чеченских событиях за пределами республики, что представляется перспективным направлением в области memory studies.

**Финансирование.** Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ №23-28-01643 «Институционализация коллективной памяти в постконфликтный период в Чечне: динамика и закономерности», <https://rscf.ru/project/23-28-01643/>.

**Acknowledgements.** The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation No. 23-28-01643 “Institutionalization of collective memory in the post-conflict period in Chechnya: dynamics and patterns”, <https://rscf.ru/project/23-28-01643/>.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. McGrattan C., Hopkins S. Memory in post-conflict societies: from contention to integration? // *Ethnopolitics*. 2017. Т. 16. №. 5. Pp. 488–499.
2. Gans H.J. Symbolic ethnicity: The future of ethnic groups and cultures in America // *Ethnic and racial studies*. 1979. Т. 2. №. 1. Pp. 1–20.
3. Smith A.D. The ethnic revival. CUP Archive, 1981.
4. London School of Economics and Political Science. 256 p.;
5. Fishman J.A. et al. The rise and fall of the ethnic revival: Perspectives on language and ethnicity. Berlin: Mouton, 1985. 531 p.
6. Treisman D.S. Russia's "ethnic revival": the separatist activism of regional leaders in a postcommunist order // *World politics*. 1997. Т. 49. №. 2. Pp. 212–249.
7. Albert C.D. The ethno-violence nexus: measuring ethnic group identity in Chechnya // *East European Politics*. 2014. Т. 30. №. 1. Pp. 123–146.
8. Hajda L. Ethnic politics and ethnic conflict in the USSR and the post-Soviet states // *Humboldt Journal of Social Relations*. 1993. Pp. 193–278.
9. Gökay B. Post-Soviet Disorder: war in Chechnya // *The Turkish Yearbook of International Relations*. 1994. №. 24. Pp. 25–37.
10. Горюшина Е.М. Непримириемые нарративы о «Другом»: изучение памяти о вооруженном конфликте в Чечне // *Ideology and Politics Journal*. 2020. Т. 16. № 2. С. 279–303.
11. Halbwachs M. On collective memory. University of Chicago press, 2020.
12. Семенова В.В. Травматическая память как мобилизационный ресурс коллективной идентичности // *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. — М.: РОС, 2012. 1 CD ROM. URL: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part57.pdf>. — С. 7798–7818.*
13. Campana A. Collective memory and violence: The use of myths in the Chechen separatist ideology, 1991–1994 // *Journal of Muslim Minority Affairs*. 2009. Vol. 29. № 1. Pp. 43–56.
14. Williams B.G. Commemorating "the deportation" in post-Soviet Chechnya: the role of memorialization and collective memory in the 1994–1996 and 1999–2000 Russo-Chechen Wars // *History & Memory*. 2000. Т. 12. №. 1. Pp. 101–134.
15. Gall C., De Waal T. Chechnya: calamity in the Caucasus. NYU Press, 1998. 416 p.
16. Volkan V.D. Transgenerational transmissions and chosen traumas: An aspect of large-group identity // *Group Analysis*. 2001. Т. 34. №. 1. Pp. 79–97.
17. Iandarbiev Z. Chechnia – bitva za svobodu [Chechnya: The Battle for Freedom]. Lviv, 1996.
18. Hughes J. Chechnya: The causes of a protracted post-soviet conflict // *Civil Wars*. 2001. Т. 4. №. 4. Pp. 11–48.
19. Музаев Т. Чеченская республика: органы власти и политические силы. М.: Информационно-Экспертная Группа Панорама, 1995.
20. Dunlop J. B. Russia confronts Chechnya: roots of a separatist conflict. Cambridge University Press, 1998.
21. Sirén P. The Battle for Grozny: The Russian Invasion of Chechnya, December 1994–December 1996. In: *Russia and Chechnia: the permanent crisis: essays on Russo-Chechen relations*. London: Macmillan, 1998.
22. Gammer M. Review of Russia and Chechnia: The Permanent Crisis. Essays on Russo-Chechen Relations, by B. Fowkes // *Middle Eastern Studies*, 36(4), 189–196. <http://www.jstor.org/stable/4284122>

## REFERENCES

1. McGrattan C., Hopkins S. Memory in post-conflict societies: from contention to integration? *Ethnopolitics*. 2017; 16(5): 488–499.
2. Gans H.J. Symbolic ethnicity: The future of ethnic groups and cultures in America. *Ethnic and Racial Studies*. 1979; 2(1): 1–20.
3. Smith AD. The Ethnic Revival. CUP Archive, 1981.
4. London School of Economics and Political Science, 256 p.
5. Fishman J.A. et al. *The Rise and Fall of the Ethnic Revival: Perspectives on Language and Ethnicity*. Berlin: Mouton, 1985.
6. Treisman DS. Russia's "ethnic revival": the separatist activism of regional leaders in a postcommunist order. *World Politics*. 1997; 49(2): 212–249.
7. Albert CD. The ethno-violence nexus: measuring ethnic group identity in Chechnya. *East European Politics*. 2014; 30(1): 123–146.
8. Hajda L. Ethnic politics and ethnic conflict in the USSR and the post-Soviet states. *Humboldt Journal of Social Relations*. 1993, 19(2): 193–278.
9. Gökay B. Post-Soviet Disorder: war in Chechnya. *The Turkish Yearbook of International Relations*. 1994; 24: 25–37.
10. Goryushina EM. Irreconcilable narratives about the 'Other': studying the memory of the armed conflict in Chechnya. *Ideology and Politics Journal*. 2020; 16(2): 279–303. (In Russ)
11. Halbwachs M. *On Collective Memory*. University of Chicago Press, 2020.
12. Semenova VV. Traumatic memory as a mobilization resource of collective identity. *Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development* [Electronic resource]: Proceedings of the IV Regular All-Russian Sociological Congress / ROS, IS RAS, AN RB, ISPP. Moscow: ROS, 2012, pp. 7798–7818. Available at: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part57.pdf>. (In Russ)
13. Campana A. Collective memory and violence: The use of myths in the Chechen separatist ideology, 1991–1994. *Journal of Muslim Minority Affairs*. 2009; 29(1): 43–56.
14. Williams BG. Commemorating 'the deportation' in post-Soviet Chechnya: the role of memorialization and collective memory in the 1994–1996 and 1999–2000 Russo-Chechen Wars. *History & Memory*. 2000; 12(1): 101–134.
15. Gall C., De Waal T. *Chechnya: Calamity in the Caucasus*. NYU Press, 1998.
16. Volkan V.D. Transgenerational transmissions and chosen traumas: An aspect of large-group identity. *Group Analysis*. 2001; 34(1): 79–97.
17. Iandarbiev Z. *Chechnya – Bitva za svobodu [Chechnya: The Battle for Freedom]*. Lviv, 1996.
18. Hughes J. Chechnya: The causes of a protracted post-Soviet conflict. *Civil Wars*. 2001; 4(4): 11–48.
19. Muzaev T. *Chechen Republic: Authorities and Political Forces*. Moscow: Information and Expert Group Panorama, 1995. (In Russ)
20. Dunlop J.B. *Russia Confronts Chechnya: Roots of a Separatist Conflict*. Cambridge University Press, 1998.
21. Sirén P. The Battle for Grozny: The Russian Invasion of Chechnya, December 1994–December 1996. In: *Russia and Chechnia: the permanent crisis: essays on Russo-Chechen relations*. London: Macmillan, 1998.
22. Gammer M. Review of Russia and Chechnia: The Permanent Crisis. Essays on Russo-Chechen Relations, by B. Fowkes. *Middle Eastern Studies*. 36(4): 189–196. URL: <http://www.jstor.org/stable/4284122>
23. Aidaev YuA. *Chechens: History and Modernity*. Moscow: Mir Tvoyemu Domu, 1996. (In Russ)
24. Bordyugov G. (ed.) *Victory-70: Reconstruction of the Anniversary*. Moscow: AIRO-XXI, 2015. (In Russ)

23. Айдаев Ю.А. Чеченцы: история и современность. М.: Мир твоему дому, 1996. – 351 с.
24. Победа-70: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2015.
25. Горюшина Е.М. Политика памяти на Кавказе после 1989 г.: теоретическое обоснование нарратива о войне в Чечне // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. №. 10 (108).
26. Russell J. Ramzan Kadyrov: the indigenous key to success in Putin's Chechenization strategy? // *Nationalities Papers*. 2008. Т. 36. №. 4. Pp. 659–687.
27. Šmíd T., Mareš M. 'Kadyrovtsy': Russia's counterinsurgency strategy and the wars of paramilitary clans // *Journal of Strategic Studies*. 2015. Т. 38. №. 5. Pp. 650–677.
28. Russell J. Kadyrov's Chechnya – Template, Test or Trouble for Russia's Regional Policy? // *Russian Regional Politics under Putin and Medvedev*. Routledge, 2014. Pp. 149–168.
29. Russell J. Mujahedeen, mafia, madmen: Russian perceptions of Chechens during the wars in Chechnya, 1994–96 and 1999–2001 // *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2002. Т. 18. №. 1. Pp. 73–96.
30. Elliot I. Review. Chechnya: Russia's 'War on Terror' by John Russell. *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944-), May 2008, Vol. 84, No. 3, Power and Rules in the Changing Economic Order (May, 2008). Pp. 586–588. URL: <https://www.jstor.org/stable/25144845>
31. Vidino L. The Arab foreign fighters and the sacralization of the Chechen conflict // *al Nakhlah*. 2006. Т. 2. URL: [https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/aln/aln\\_spring06/aln\\_spring06e.pdf](https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/aln/aln_spring06/aln_spring06e.pdf)
32. Vidino L. How Chechnya became a breeding ground for terror // *Middle East Quarterly*. Summer 2005. Pp. 57–66.
33. John Reuter. "Chechnya's Suicide Bombers: Desperate, Devout, or Deceived," *The American Committee for Peace in Chechnya*, Sept. 16, 2004.
34. Henkin Y. From tactical terrorism to Holy War: the evolution of Chechen terrorism, 1995–2004 // *Central Asian Survey*. 2006. Т. 25. №. 1–2. Pp. 193–203.
35. Speckhard A., Ahkmedova K. The making of a martyr: Chechen suicide terrorism // *Studies in conflict & Terrorism*. 2006. Т. 29. №. 5. Pp. 429–492.
36. Lapidus G.W. Putin's war on terrorism: Lessons from Chechnya // *Post-Soviet Affairs*. 2002. Т. 18. №. 1. Pp. 41–48.
37. Paul J. Murphy, *The Wolves of Islam: Russia and the Faces of Chechen Terror*. Washington, D.C.: Brassey's Inc., 2004. 197.
38. Juergensmeyer M. *Terror in the mind of God: The global rise of religious violence*. Univ of California Press, 2017. Т. 13.
39. Williams B.G. *Inferno in Chechnya: The Russian-Chechen wars, the Al Qaeda myth, and the Boston Marathon bombings*. – University Press of New England, 2015.
40. Williams B.G. Shattering the Al-Qaeda-Chechen Myth (Part II) // *Chechnya Weekly*. 2003. Т. 4. №. 40.
41. Williams B.G. Allah's foot soldiers: An assessment of the role of foreign fighters and Al-Qa'ida in the Chechen insurgency // *Ethno-Nationalism, Islam and the State in the Caucasus*. Routledge, 2007. Pp. 174–196.
42. Army War College (US). Strategic Studies Institute. Russia's homegrown insurgency: Jihad in the North Caucasus. – Strategic Studies Institute, US Army War College, 2012. URL: <https://tile.loc.gov/storage-services/master/gdc/gdcebookspub-lic/20/23/69/27/88/2023692788/2023692788.pdf>
43. Barbi C. Radicalizzazione e islamizzazione in Cecenia // *Analytica for intelligence and security studies*, 2021. URL: <https://www.analyticaintelligenceandsecurity.it/wp-content/uploads/Caterina-Barbi-Terrorismo-Cecenia.pdf>
44. Williams B.G. Commemorating "the deportation" in post-Soviet Chechnya: the role of memorialization and collective
25. Goryushina E.M. The Politics of Memory in the Caucasus after 1989: Theoretical Justification of the Narrative of the War in Chechnya. *Electronic Scientific and Educational Journal "Istoriya"*. 2021; Vol. 12, 10(108). (In Russ)
26. Russell J. Ramzan Kadyrov: the indigenous key to success in Putin's Chechenization strategy? *Nationalities Papers*. 2008; 36(4): 659-687.
27. Šmíd T., Mareš M. "Kadyrovtsy": Russia's counterinsurgency strategy and the wars of paramilitary clans. *Journal of Strategic Studies*. 2015; 38(5): 650-677.
28. Russell J. Kadyrov's Chechnya – Template, Test or Trouble for Russia's Regional Policy? In: *Russian Regional Politics under Putin and Medvedev*. Routledge, 2014: 149-168.
29. Russell J. Mujahedeen, mafia, madmen: Russian perceptions of Chechens during the wars in Chechnya, 1994–96 and 1999–2001. *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2002; 18(1): 73–96.
30. Elliot I. Review. Chechnya: Russia's "War on Terror" by John Russell. *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944-), May 2008; 84(3): 586–588. Available at: <https://www.jstor.org/stable/25144845>
31. Vidino L. The Arab foreign fighters and the sacralization of the Chechen conflict. *al Nakhlah*. 2006; 2. Available at: [https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/aln/aln\\_spring06/aln\\_spring06e.pdf](https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/aln/aln_spring06/aln_spring06e.pdf)
32. Vidino L. How Chechnya became a breeding ground for terror. *Middle East Quarterly*. Summer 2005: 57-66.
33. John Reuter. "Chechnya's Suicide Bombers: Desperate, Devout, or Deceived" *The American Committee for Peace in Chechnya*, Sept. 16, 2004.
34. Henkin Y. From tactical terrorism to Holy War: the evolution of Chechen terrorism, 1995–2004. *Central Asian Survey*. 2006. Т. 25. №. 1–2: 193-203.
35. Speckhard A., Ahkmedova K. The making of a martyr: Chechen suicide terrorism. *Studies in conflict & Terrorism*. 2006. Т. 29. №. 5: 429-492.
36. Lapidus G.W. Putin's war on terrorism: Lessons from Chechnya. *Post-Soviet Affairs*. 2002. Т. 18. №. 1. C. 41–48.
37. Paul J. Murphy, *The Wolves of Islam: Russia and the Faces of Chechen Terror*. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004. 197.
38. Juergensmeyer M. *Terror in the mind of God: The global rise of religious violence*. Univ of California Press, 2017. Т. 13.
39. Williams B.G. *Inferno in Chechnya: The Russian-Chechen wars, the Al Qaeda myth, and the Boston Marathon bombings*. University Press of New England, 2015.
40. Williams B. G. Shattering the Al-Qaeda-Chechen Myth (Part II). *Chechnya Weekly*. 2003. Т. 4. №. 40.
41. Williams B.G. Allah's foot soldiers: An assessment of the role of foreign fighters and Al-Qa'ida in the Chechen insurgency. *Ethno-Nationalism, Islam and the State in the Caucasus*. Routledge, 2007: 174-196.
42. Army War College (US). Strategic Studies Institute. Russia's homegrown insurgency: Jihad in the North Caucasus. – Strategic Studies Institute, US Army War College, 2012. URL: <https://tile.loc.gov/storage-services/master/gdc/gdcebookspub-lic/20/23/69/27/88/2023692788/2023692788.pdf>
43. Barbi C. Radicalizzazione e islamizzazione in Cecenia. *Analytica for intelligence and security studies*, 2021. URL: <https://www.analyticaintelligenceandsecurity.it/wp-content/uploads/Caterina-Barbi-Terrorismo-Cecenia.pdf>
44. Williams B.G. Commemorating "the deportation" in post-Soviet Chechnya: the role of memorialization and collective

memory in the 1994–1996 and 1999–2000 Russo-Chechen Wars // *History & Memory*. 2000. Т. 12. №. 1. Pp. 101–134.

45. Klocker C. Suppressing collective memory: Chechnya's 'Day of Memory and Grief' and the rehabilitation of Stalinism in today's Russia // *London Journal of Critical Thought*. 2018. Т.2. №2. Pp. 38–49.

46. Le Huérou A. et al. (ed.). *Chechnya at war and beyond*. London: Routledge, 2014.

47. Schaefer R.W. *The insurgency in Chechnya and the North Caucasus: From gazavat to jihad*. – Bloomsbury Publishing USA, 2010.

48. Schaefer R. *Chechnya at War and Beyond*, edited by Anne Le Huérou, Aude Merlin, Amandine Regamey and Elisabeth Sieca-Kozłowski, Routledge, 2014, 278 pp., \$160 (hbk), ISBN 978-0-415-74489-8 // *Caucasus Survey*. 2015. Т. 3. №. 2. Pp. 182–185.

46. Le Huérou A. et al. (ed.). *Chechnya at war and beyond*. London: Routledge, 2014.

47. Schaefer RW. *The insurgency in Chechnya and the North Caucasus: From gazavat to jihad*. Bloomsbury Publishing USA, 2010.

48. Schaefer R. *Chechnya at War and Beyond*, edited by Anne Le Huérou, Aude Merlin, Amandine Regamey and Elisabeth Sieca-Kozłowski, Routledge, 2014, 278 pp., \$160 (hbk), ISBN 978-0-415-74489-8 . *Caucasus Survey*. 2015. Т. 3. №. 2: 182-185.

*Поступила в редакцию 15.07.2024 г.*

*Принята в печать 05.09.2024 г.*

*Опубликована 15.09.2024 г.*

*Received 15.07.2024*

*Accepted 05.09.2024*

*Published 15.09.2024*